

А.И. Кобзев

ИВ РАН, МФТИ, РГГУ

Игрища бесовские в АН СССР

Достоинно «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха сопоставление судеб двух крупнейших в отечественной науке XX в. исследователей культуры Дальнего Востока, основателей синологической и японоведческой школ в советском востоковедении – академиков В.М. Алексеева (1981–1951) и Н.И. Конрада (1991–1970). На эту знаменательную параллель недавно обратил внимание изучавший их наследие академик В.М. Алпатов: «Оба видных учёных (учитель и ученик) были тесно связаны друг с другом (даже жили в одном доме), хотя различались общественными позициями. Бывшая сотрудница Института востоковедения АН СССР Ф.А. Тодер, в начале 30-х гг. студентка восточного факультета Ленинградского университета, вспоминала уже в 90-е гг., как поначалу ходила на занятия и по Китаю, и по Японии, не зная, что выбрать. Однако В.М. Алексеев заявил на лекции, что овладеть Востоком может только человек, обладающий наследственной культурой. Это резко противоречило духу тех лет, в словах Алексеева девушка ощутила барство, а Конрад, наоборот, был очень демократичен и внимателен ко всем студентам независимо от их происхождения. И лектором Конрад был блестящим. Выбор студентки оказался в его пользу. И в целом Алексеев занимал лояльную, но сдержанную позицию в отношении новой власти» [2, с. 54].

Учёные были близко знакомы с 1910 г., в роковом 1917 г. «встречались аккуратно каждый день и проводили вместе 5–6 часов» [4, с. 251], а затем многие годы шли общим путём, но по-разному. Предпосылки к этому сложились уже в тесном общении революционной поры, когда в соответствии с возрастом и обстановкой радикально настроенный Н.И. Конрад начал расценивать старорежимный энтузиазм старшего коллеги как «беспочвенную энергию», «ретивую энергичность», а преданность классическим методам – как «далёкое от науки» «мещанство» [4, с. 252–253].

© Кобзев А.И., 2013

Несмотря на своё «правильное» социальное происхождение: внебрачный сын рано умершего отставного солдата, служившего счётчиком на оружейном заводе (М.А. Алексеева), и малограмотной домохозяйки из бесправных еврейских мещан (М.Г. Сидрон), В.М. Алексеев всегда саркастически оценивал классовый подход большевиков. По свидетельству о нём жены неперменного секретаря АН СССР С.Ф. Ольденбурга (1863–1934): «сам говорит о себе, что он вышел из низов (его отец был сторож, а мать – кухарка), [что] он своим горбом пробил себе дорогу и он ненавидит свой „пролетарский“ класс» (цит. по [5, с. 453]). В 1929 г. В.М. Алексеев, позволявший себе высказывания «об уничтожении культуры при советском строительстве» (цит. по [5, с. 453]) и не рекомендованный ЦК ВКПб для избрания в академики, всё-таки стал действительным членом АН, но тогда же в администрации СНК СССР получил характеристику «реакционера», «настроенного резко антисоветски» (цит. по [7]). Язвительно, подобно профессору Преображенскому, оценивая советскую власть, марксизм и пролетариат, он, однако, как и герой «Собачьего сердца», никогда не арестовывался.

Напротив, Н.И. Конрад – совершенно не пролетарского происхождения: сын состоятельного инженера-железнодорожника из латышских немцев и дочери священника из Орловской губернии, – активно сотрудничал с коммунистическими властями и поддерживал «марксистскую науку», в частности, уже в 1918 г. участвовал в пропагандистской деятельности НКВД, в ЛВИ готовил кадры для НКВД, 10.9.1933 в газете «За социалистическую науку» опубликовал статью «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов» [4, с. 173–174] и вскоре (12.2.1934) был избран членом-корреспондентом АН как «вступивший сразу после Октября на путь» «служения задачам революции» и «непосредственного участия в социалистическом строительстве» (цит. по [4, с. 469, примеч. 2]). В 1929 г. он поддержал приём в АН СССР известного марксистского обскуранта А.М. Деборина (1881–1963), который, став одним из руководителей АН, в 1937 г. усиленно продвигал его кандидатуру в действительные члены АН (по отмеченному В.М. Алексеевым принципу *do ut des*, т.е. взаимობразности; см. [5, с. 380, письмо 53, примеч. 3]) и одновременно в 1937–1938 гг. возглавил травлю В.М. Алексеева (см. [5, с. 454, 464–468]). Однако не объект его инсинуаций, а протеже Н.И. Конрад подвергся аресту, избиениям и пыткам, получил 5 лет исправительно-трудовых лагерей и провёл в заключении три с лишним года (с 28.07.1938 по 06.09.1941).

Осуществлявшаяся из самых мощных пропагандистских орудий и полная крепчайших выражений атака на В.М. Алексеева проходила

на фоне уже произведённых арестов и расстрелов его ближайших учеников (Б.А. Васильева, 1899–1937; Ю.К. Щуцкого, 1897–1938) и подготовки «изъятия» Н.И. Конрада, вовлечённого в гонения на него, но этим себя не спасшего. Учёный секретарь ИВ АН СССР Х.И. Муратов (1905–1942?) отрецензировал изданную в 1937 г. в Париже книгу В.М. Алексеева «Китайская литература» как «мракобесную, политически вредную, лженаучную, основанную на патологических изысканиях» (цит. по [1, с. 144]), а японист из окружения Н.И. Конрада – Я.Б. Радиль-Затуловский (1903–1987) – как «крайне вредную реакционную мракобесную расистскую галиматью... смыкающуюся с фашистскими тенденциями в синологии в некоторых западно-европейских странах и особенно в Японии» (цит. по [3, с. 348]), после чего 31.5.1938 в главном офицозе «Правде» появилась статья Х. Муратова и представителя парткома АН СССР Б. Булова о «колонизаторе-зубре» В.М. Алексееве (вспоминается другой гонимый «зубр» – Н.В. Тимофеев-Ресовский, 1900–1981) с уничтожающим заглавием, похожим на приговор: «Лжеучёный в звании советского академика». За этой директивной публикацией последовали проработки, на одной из которых – общем собрании Актива ИВ АН СССР 7.6.1938 в длинном ряду зоилов выступил и Н.И. Конрад, призвавший В.М. Алексеева осовремениться и стать марксистом, но затем попытавшийся приватно с ним объясниться, благо, жил этажом выше. Инцидент не уладился, поскольку жена В.М. Алексеева не пустила его на порог, и в дальнейшем взаимоотношения стали носить формальный характер (см. [5, с. 386–387, письмо 71, примеч.1]).

Сходным образом произошло с однокашником и соавтором, близким другом и научным «братом» («фра Бус») Ю.К. Щуцкого («фра Щуц»), вторым любимым учеником В.М. Алексеева – Б.А. Васильевым (см., напр., [5, с. 435]), который, попытавшись стать «настоящим советским человеком», в 1931 г. даже подал заявление в партию, а в 1932 подписал политический донос «За или против латинизации?» (к коллективному пасквилю приложил руку и другой достойный учёный, позднее также репрессированный, П.Е. Скачков [1892–1964] под псевдонимом Соколов) в виде разгромной рецензии в официозном пропагандистском журнале «Проблемы марксизма» (1932, № 3, с. 129–139) на научно-популярную и вполне основательную книгу своего учителя «Китайская иероглифическая письменность и её латинизация» (Л., 1932). Там вторая (из всего лишь трёх) прижизненно опубликованная монография и последняя крупная работа В.М. Алексеева была названа жалким идеалистическим лепетом, который «солидаризируется с идеалистическим бредом Ли Цзи

и его буржуазного интерпретатора Расселя» (цит. по [6, с. 34]), т.е., на самом деле, с суждениями о культурологических различиях алфавитного и иероглифического письма, высказанными крупным китайским антропологом и археологом академиком (с 1948 г.) Ли Цзи 李濟 (1896–1979) и процитированными блестящим английским философом и учёным, лауреатом Нобелевской премии Б. Расселом (1872–1970). В этой сложной социолингвистической и общекультурной проблеме автор, председатель Комиссии по латинизации китайской письменности, занимал научно взвешенную позицию, но политически ангажированное поношение получило дальнейшее развитие в кампании против него 1938 г., что заставило его покаянно отвергнуть «аксиому вечной доминанты иероглифа» во имя демократичной «рабоче-крестьянской» латинизации [5, с. 443, 461–463]. В результате В.М. Алексеев перестал сотрудничать с Б.А. Васильевым (см., напр., [5, с. 438]) и в письме от 9.6.1934 выдающемуся японоведу С.Г. Елисееву (1889–1975), из-за границы живо интересовавшемуся судьбами его учеников, охарактеризовал своего бывшего любимца как «эфемерного разгильдяя» (цит. по [6, с. 47]), что, впрочем, не помешало ему тогда же выступить за присвоение тому профессорского звания.

Несмотря на все потуги «задрать штаны, бежать за комсомолом», Б.А. Васильев был вслед за Ю.К. Щуцким арестован в Ленинграде 6.9.1937, обвинён по статье 58-1а УК РСФСР, через два месяца с небольшим (19 ноября) приговорён Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР к высшей мере наказания и расстрелян 24 ноября, т.е. с ним репрессивная машина разделалась всего за два с половиной месяца, а с идеологически чуждым Ю.К. Щуцким возилась более полугода. Связь с обоими как «врагами народа» была инкриминирована В.М. Алексееву на проработочном собрании китайской кафедры ЛВИ 09.06.1938 [5, с. 461]. Это ничуть не поколебало его отношение к Ю.К. Щуцкому. Он отнюдь не отрёкся от своего ошельмованного ученика, как было принято в те поры, смело помогал его жене И.Д. Щуцкой (1909–1954) в хлопотах о муже и в письме от 05.02.1939 г. президенту АН СССР В.Л. Комарову (1869–1945) назвал его арест своею «болью, едва ли не сильнейшею из всех» (цит. по [5, с. 431–472]).

Дочь и биограф В.М. Алексеева М.В. Баньковская (1927–2009), описывая кошмарную обстановку «великого террора», когда «в 37–38-м из одного только Института востоковедения в Ленинграде было изъято не менее половины сотрудников, а весь штат института не превышал 90 человек», сформулировала неизбежный вопрос: «Ну а

как же Алексеев? – думает, небось, читатель. – Неужели не сидел?.. Нет, не сидел, но был на краю пропасти, жил с ощущением этого края, хоть и не знал, как близко порой к нему подходил» [3, с. 347]. Фантазмагория состояла в том, что в условиях победившего социализма главное зло усматривалось в мистике. Х.И. Муратов заклинал: «От Алексеева мы не требуем марксизма, но требуем, чтобы у него не было мистики!», – Я.Б. Радуль-Затуловский подпевал: «Нам не нужна мистика. Мы мистику изучаем только для того, чтобы видеть лицо врага» (цит. по [3, с. 346–347]). Уличённый же в ней враг безжалостно уничтожался, как, например, был расстрелян фра-мистик Ю.К. Щуцкий, за «обычный мистицизм» в виде штейнерианства или тамплиерства. Воюя с мистикой и становясь «реализмом жизни», социалистический реализм превращался в «сюрреализм смерти». М.В. Баньковская тонко подметила, что, глубоко погрузившись в фантастическое творчество Пу Сун-лина (Ляо Чжая, 1640–1715) и даже идентифицируясь с ним, В.М. Алексеев сам оказался персонажем «реальной фантастики», которая «вполне сопоставима с химерами Ляо Чжая» [3, с. 346]. Нашествие нового средневековья в СССР прекрасно осознавали знатоки старого Китая. Ещё в 1925 г. Б.В. Васильев и Ю.К. Щуцкий в дружеской пародии на переводы новелл Пу Сун-лина В.М. Алексеевым представили последнего «хэшаном – изгнателем бесов» и даже изобразили в цветном рисунке сцену мистического изгнания им бесовской ревизии [3, с. 315–317]. По прошествии 12-летнего цикла вновь, как в шуточном тексте, но уже въяве «показалась целая вереница бесов: толстые и пузатые, высокие и тонкие, в языках пламени, пятнистые и вообще разнообразные» [3, с. 316], однако лишённый своих учеников, «кандидата китайской геомантии Б. Васильева и бакалавра того же предмета Щуцкого», «хэшан Аликэ» не смог в реальности повторить свой литературный подвиг экзорцизма.

В круговерть «навых чар» вовлекались все причастные к востоковедению, вплоть до студентов, что выглядит зловещим предвестием китайской «культурной революции». Даже 3-курсник филологического факультета ЛГУ, а ныне академик С.Л. Тихвинский, с 1-го дня учёбы на 1-м курсе (1.9.1935) слушавший лекции В.М. Алексеева, был вынужден на разоблачительном заседании кафедры Дальневосточной филологии 5.6.1938 выступить с вымученной критикой его переводов Ляо Чжая как написанных архаическим языком и насыщенных эротизмом, вследствие чего создающих у советских читателей ложное представление о китайской литературе (цит. по [3, с. 349]). В кратковременный период смены гонений на фавор у властей, летом

1945 г. В.М. Алексеев сделался научным руководителем видного дипломата С.Л. Тихвинского, только что защитившего кандидатскую и начавшего писать докторскую диссертацию. Став одним из главных учеников В.М. Алексеева, С.Л. Тихвинский описал его жизнь и деятельность в ряде публикаций (см., напр., [8]). Там отмечены и клеветнические нападки на него, и административное преследование, и его мужественное поведение в ожидании ареста вслед за учениками [8, с. 22].

Вместе с тем не назван никто из гонителей, а, наоборот, к почётному ряду докторантов В.М. Алексеева причислен декан Восточного факультета ЛГУ, профессор-историк Г.В. Ефимов (1906–1980) [8, с. 21], хотя, по свидетельству М.В. Баньковской, «в университетском „хоре лая“ проработок 1938-го, а потом 1949 г. ведущий голос принадлежал бывшему слушателю Алексеева Г.В. Ефимову», который как зав. кафедрой (с 1941 г.) и декан (с 1949 г.) был «одним из самых действенных и беспощадных травителей Алексеева и уничтожителей его курсов» [3, с. 350]. Сам же академик называл его «учеником-двоечником», который «никогда ничего не знал и знать не будет», на что тот в качестве главы аттестационной комиссии дал своему оппоненту ответную и гораздо более опасную характеристику: «Не стоит на позициях марксистско-ленинской методологии. Его работы пронизаны духом буржуазного объективизма и идеализма... Не справляется с порученным ему государством делом – игнорирует требования партии и правительства по идеологическому содержанию читаемых курсов» (цит. по [3, с. 350]).

Всё же то ли в защиту В.М. Алексеева действовали «добрые лисьи чары» [3, с. 350], то ли его, ребёнком певшего в церковном хоре, миловал бог [3, с. 14]. Напротив, красная пентаграмма не спасла Н.И. Конрада, который ровно через год после своего счастливого досрочного освобождения (со снятием судимости и выплатой академической зарплаты за три года, но без реабилитации) 6.9.1942 написал ему как эвакуированный в Фергану (Узбекистан) эвакуированному в Боровое (Казахстан) письмо со словами: «Многое мы выдержали с Вами. Вас Бог уберёт от самого ужасного. Меня не пощадил ни от этого, ни от того, что в своё время пережили Вы. Но Вы имели блистательную компенсацию: я хорошо знаю о Вашем юбилее, и о том, какой характер был ему придан. Конечно, прекрасно понимаю, что он мог только усилить в Вас чувство презрения к некоторым людям и чувство тщеты и горечи вообще» [4, с. 276].

Ещё через 3 года, летом 1945, поздравляя В.М. Алексеева с награждением орденом Ленина, он признал себя в первую очередь китайцем и его учеником [4, с. 284], а в следующем году В.М. Алексеев

выдвинул кандидатуру Н.И. Конрада в действительные члены АН (см. [4, с. 293]). В итоге тот перед смертью своего старшего коллеги в письме ему от 5.3.1951 констатировал, что только на них двоих и держится вся классическая синология в СССР [4, с. 303].

С этим тезисом, однако, не согласились самые верные ученики В.М. Алексеева, и когда в 1958 г. готовилось к изданию посмертное собрание его работ, а Н.И. Конрад уже стал полным академиком, возникла новая коллизия: борьба за право их редактирования (см. [4, с. 323–324]). Успешным конкурентом оказался Л.З. Эйдлин (1909/1910–1985), которого сам В.М. Алексеев величал «учеником, коллегой и другом» или «бледнолицым братом в синологии» [3, с. 355, 404], а Н.И. Конрад ещё в 1952 г. уличал в «утаиваемом невладении рифмой» при нерифмованном переводе сверхрифмованной китайской поэзии [4, с. 307]. Правда, и сам он тогда же оскорбился, на волне разоблачения марризма (которому отдал дань и Ю.К. Щуцкий) и славословий сталинской работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) поместив в журнале «Вопросы языкознания» (1952, № 3) антинаучную статью «О китайском языке» со ссылками на указания И.В. Сталина. Зато уже в оттепельный период, несмотря на антирелигиозную кампанию Н.С. Хрущёва (1958–1964), Н.И. Конрад сумел исполнить страстную мечту В.М. Алексеева об издании первой большой книги Ю.К. Щуцкого, опубликовав под своей редакцией и со своим предисловием в 1960 г. его главный труд «Китайскую классическую „Книгу перемен“», которая всецело посвящена мантике и мистике. Но оппоненты не отступили, и перед самой смертью Н.И. Конрада только что защитивший докторскую диссертацию и ставший профессором (1969 г.) Л.З. Эйдлин выступил с сокрушительной критикой его заветной теории китайского Возрождения [9] в популярнейшем многотиражном журнале «Иностранная литература», возглавляемом другим близким учеником В.М. Алексеева – Н.Т. Федоренко (1912–2000).

Литература

1. *Алексеев В.М.* Авторецензия на книгу «Китайская литература: Шесть лекций в Коллеж де Франс и Музее Гимэ» // *Он же.* Труды по китайской литературе. Кн. 1. М., 2002.
2. *Алпатов В.М.* Академик Н.И. Конрад между Китаем и Японией // В потоке научного творчества. К 80-летию В.С. Мясникова. М., 2011.
3. *Баньковская М.В.* Василий Михайлович Алексеев и Китай: книга об отце. М., 2010.
4. *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. / Сост. М.Ю. Сорокина, А.О. Тамашивили. М., 1996.

5. Переписка В.М. Алексеева и И.Ю. Крачковского (1916–1950) (публ. А.А. Долининой); Три неизвестных архивных документа: к биографии В.М. Алексеева (публ. А.Н. Хохлова); *А.Н. Хохлов*. Академик-китаист В.М. Алексеев под угрозой остракизма в 1938 г.; Письма В.М. Алексеева В.Л. Комарову // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 3. М., 2008.
6. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву 1933–1936 годов (публ. Е.М. Дьяконовой и И.С. Смирнова) // Восток-Запад: Историко-литературный альманах: 2003–2004. М., 2005.
7. *Сорокина М.Ю.* Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., 1995.
8. *Тихвинский С.Л.* Академик В.М. Алексеев и его школа // *Он же*. Избранные произведения. Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 2006.
9. *Эйдлин Л.З.* Идеи и факты // *Иностранная литература*. 1970, № 8.